

И. И. Антонович,
профессор

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ РЕЛИГИИ ЛЮБВИ

Летом 1988 г. СССР отмечал 1000-летие введения христианства на Руси. Этому была посвящена грандиозная программа мероприятий. В столицу могучего государства съехались церковные иерархи со всех частей света. Автору этих строк, работавшему в то время в Москве, довелось принять участие во многих из юбилейных мероприятий, и в особенности торжественном заседании и гала-концерте, состоявшихся в Большом театре.

Только немногие в то время предчувствовали опасности, нависшие над великой державой. Люди искренне радовались гласности, возможности свободно выразить свое мнение, спешили пересмотреть оценки, отличавшиеся несправедливостью, с большим доверием относились друг к другу. Огромные залы, фойе Большого театра были заполнены праздничной толпой, в которой доминировали, естественно, священнослужители. Младшие целовали руки старшим в церковной иерархии, отовсюду слышались радостные возгласы: “Какие времена!”

Открытие торжественного заседания задерживалось. Когда поднялся тяжелый, шитый золотом занавес Большого театра, президиум уже чинно восседал на сцене. Доклад, сделанный митрополитом Киевским, был долгим и скучным — вполне в духе времени. Как потом обнаружилось, задержка с открытием торжественного заседания была вызвана тем, что Его Святейшество Патриарх Пимен не мог самостоятельно ходить, пришлось нести его на руках. Дух застоя, консерватизма, медлительности и, да простят, посредственности витал в зале одновременно с радостью юбилея. Это подтвердилось на концерте. Когда на сцену вышел хор Московской патриархии и стал исполнять церковные мелодии, на сцене Большого театра такое исполнение звучало на уровне самодеятельности. Было видно, что хор выступал здесь впервые, и по застывшей в нервном напряжении спине дирижера было понятно, как нелегко ему выполнять почетную миссию.

Позже выступал Камерный хор под руководством В. Минина. В его исполнении зазвучали слова: “Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас”, — зал напрягся,

как струна, на глаза у многих навернулись слезы. Духовное совершенство простых слов православной молитвы гармонировало с музыкальным совершенством исполнения, и тут присутствующим открылось великое противоречие — на всех этапах послереволюционного развития стран православная церковь Советского Союза понесла большой ущерб: погибли тысячи священнослужителей, были разграблены святыни, библиотеки, религиозно-культурные центры. Церковь многое потеряла из своего духовного наследия и силы. Она совершила свой крестный путь мужественно и страдала с достоинством, которое еще не до конца было понято и оценено соотечественниками.

Теперь она стала частью общества — специфической, но легальной. Накануне юбилея был принят, после длительного обсуждения, новый закон о свободе религии и убеждений. К церкви потянулись миллионы верующих. Одновременно культурная динамика социализма перехватила, развила и сохранила духовное наследие церкви. На этом концерте совершалась уникальная переключка церкви как института веры и общества, сохранившего культурные ценности православия. И той, и другой части было в чем покаяться. Они долго и мучительно шли навстречу друг другу. Столь же медленно, но уверенно развиваются потребность общества в церкви и все более глубокое, объемное и компетентное исполнение церковью своей великой миссии, неустанно внедряющей в общественную жизнь послания мира и любви в страшные годы разрушения.

7 января 2000 г. в Иерусалиме состоялся собор православных церковных иерархов, на который были приглашены руководители православных государств и где отмечалась еще более важная дата в истории человечества — 2000-летие христианства. Православие — лишь одна ветвь могучего религиозного движения, возникшего в условиях распада Римской империи и оказавшего неизгладимое влияние на мир. Трудна, противоречива, нелегка для понимания эта монументальная эра человеческой цивилизации.

Русский религиозный философ, святой отец Сергей Булгаков писал: «Христианство вступило в мир неземными путями. Оно не воспользовалось какими-либо средствами, взятыми из исторически сложившейся среды, оно явилось как совершенно новая и особая сила, внекультурная и внеисторическая, отрицающая кривые и ломаные исторические пути. Оно обращалось не к исторической оболочке человека и даже не к разуму, но к его сердцу, брало его волю, зажигало в нем новую жизнь» (*Булгаков С.Н. Два града. — СПб., 1997. — С. 147*).

Первые апостолы, понесшие слова Христова в массы, пострадавшие от последствий распада Римской империи, постоянных разрушительных набегов варваров, грабежей и насилия, родились и выросли в одном из отдаленных и глухих уголков империи — Палестине. Почти все они были неграмотны. Первая христианская волна обрушилась на Римский мир в виде устного предания, однако она оказалась настолько мощной, что даже после смерти основного проповедника это, казалось бы, бессильное и беспомощное из-за первоначальной малочисленности своих приверженцев учение бросило вызов всему тогдашнему миру проповедью о Христе, распятом и воскресшем, учившему любви к ближнему, о грядущем конце света, покаянии за грехи и спасении верой в единого Бога.

Первохристианство в языческом мире испытывало невероятные трудности. Оно стало в оппозицию к языческому миру и его социальным структурам и тем самым отвергло тысячелетний социальный, культурный и нравственный опыт римской истории. Первохристиане отрицали “царство от мира сего”. “Царству” кесаря они противопоставили “царство Божие”, власти императора — всемогущество Вседержателя, господству кесаря — власть Господа Иисуса Христа.

Это сразу поставило христиан в положение изгоев на своей земле. В условиях, когда Рим вел тяжелую борьбу с опустошительными набегами варваров, для античного человека государство было всем: домом, Родиной и храмом. Первохристиане, объединяющиеся в еkkлeзию — церковь, общину, фактически выступали против этого государства. Под Римом имперским они основывали новый, “подземный” мир, он относился к Римскому государству как к чуждому миру, который сам писал себе заповеди и сам их исполнял.

Сегодня некоторые исследователи критикуют христианство за это и, в частности, за его безразличие к социальным вопросам. Ведь с самого начала возникновения христианству пришлось столкнуться с рабством, которое составляло экономический фундамент античной цивилизации. В истории не сохранилось свидетельств того, что христианство осуждало рабство или боролось с ним как социальным институтом. Более того, бедным, в частности рабам, которых было немало в числе первохристиан, рекомендовалось терпеливо переносить свой трудный жребий.

Однако сам факт того, что каждый, и богатый, и бедный, мог присоединиться к общине и стать христианином, имел

огромную освободительную силу, ибо в христианской общине богатые и рабы относились друг к другу как лица, равные перед Богом. Идеал христианского равенства, медленно распространяясь в проповеди и молитве, наступал на социально-классовый мир Рима. Поскольку Рим так и не смог отказаться от рабства, рабство отступило и погибло вместе с ним. Христианство проповедовало внутреннюю свободу. Она была относительной к свободе или несвободе внешней и социальной, и это давало молодой религии огромную созидательную силу. Христианство не соглашалось с тем социальным детерминизмом, в соответствии с которым внешние условия жизни целиком определяют человека. Оно будило в личности духовную силу, способную преодолеть социальные различия изнутри, глянуть поверх противоречий, увидеть высшие силы и ощутить жажду Бога. Поначалу христианство довольно бескомпромиссно осуждало и собственность. Однако по мере становления церкви, особенно в средние века с возникновением папства, собственность стала одним из устоев, на которых церковь совершала свое дальнейшее укрепление в послеримском средневековом мире, стремясь к бесконечному расширению его, она совершила много ошибок и исторических грехов.

Христианство несло страждущему утешение, давая ему живого, личного Бога. К нему можно прийти, только преодолев мир через веру и любовь. Возлюбить Христа больше, чем все самое дорогое, — вот задача: “Не любите мира, ни того, что в мире...” (I Иоан. 2, 15).

Надо, однако, отметить, что в ходе исторического развития аскетизм первохристианства постепенно смягчался. Придя к индивиду, личности, это учение затем распространилось на весь мир с более живым и заинтересованным участием в его повседневных делах.

Весьма характерно, что с момента распространения оно получило черты универсальной, всенародной религии. Уже к концу I ст. н. э. оно господствовало на берегах Тиренского моря, имело центры в Аггиохии, Малой Азии, Риме. К концу II ст. н. э. христиане встречаются во всех римских провинциях и даже за пределами Римской империи. По мере распространения христианства уже после II ст. н. э. разница между западными и восточными частями империи сказалась и на христианстве: на западе богослужение велось на латинском языке, на востоке империи — на греческом.

Греческое христианство дало миру православие. Оно существует со времен апостольских. Многие мыслители и сегодня объясняют происхождение христианства таинственными, чудесными процессами зарождения в мире новой религии путем откровения. Нам, воспитанным в атеистическом мирозерцании и довольно поверхностно знакомым с историей христианства, трудно принять эти тезисы безоговорочно. Над ними надо долго и упорно размышлять, сопоставлять их с различными этапами человеческой истории, искать истину. Однако основой христианства была вера, и этого отрицать сегодня нельзя. Это вера в воскресшего Спасителя, с неодолимой силой вспыхнувшая в мире. Первохристиане чувствовали его реальное присутствие, и на основе этого чувства зазвенела в мире песнь радости, примирения, восторга, любви.

Христианство индивидуализировало человека, заставило личность ощутить в себе духовную силу и мобилизовать ее на личное усовершенствование. Античный мир презирал труд. Христианство стало уважать его, сделало его главной обязанностью и тем самым создало основы народнохозяйственной жизни европейской цивилизации. Новая религия дала человеку смысл жизни через любовь к Богу и ближнему. Наука и социальные системы, возникшие на основе христианства на всем протяжении его двухтысячелетней истории, не создали ничего иного, что могло бы заменить этот смысл жизни и эту целевую установку христианства.

Конечно, движение христианства по пути собственной истории неоднозначно. По мере превращения в господствующую религию в условиях средневековья новая религия постепенно разработала стратегию спасения мира силой, вопреки воле людей, полагая, что единственным способом спасения может быть подчинение церкви всей общественной организации. Это произошло уже на этапе папской церкви. Христианство развязало борьбу со светской властью и гражданским обществом. Оно стремилось превратить всю область культуры в господство церкви и интерпретировало царство Божие не иначе, как всемирную власть церкви. Церковь впала при этом в искушение, которое было отвергнуто еще Христом в пустыне.

Она взяла меч для созидания царства Божьего не для каких-нибудь внешних, земных целей, а для водворения святости в людях. Послушание церкви или костер — такую альтернативу она предложила средневековью. Про папу Григория VII, одного

из крупнейших представителей этой теократической тенденции, его современники говорили, что это “святой сатана”. Средневековье, таким образом, объединило сатанинство и святость, и само взорвалось на этой смеси веры, предрассудков и фанатизма. Человеческий дух вышел из-под ярма и явил себя в мощном взлете гуманизма Возрождения, а церковь надолго задержалась в конвульсиях Реставрации, раскололась на ветви протестантизма, католицизма, секты. Столетия испытаний явились тяжким жребием. Церковь в новой истории с трудом искала и обрела свое место в западном мире. Однако она все-таки снова обрела его. Эти процессы были характерны для западной ветви христианства — его латинского направления. Оно овладело не только государствами, возникшими на территории прежней Западной Римской империи, но и распространилось на германские племена — ариан, вестготов, остготов, вандалов, бургунов, лангобардов.

Славянские племена приняли христианство в его греческом варианте. Характерно, что эллино-христианская культура была усвоена славянами уже в условиях сложившихся национальностей, что одновременно укрепило эти национальности, сделав их христианскими. На Русь православие было перенесено из Болгарии. Варягороссы восприняли православие из Византии, но через болгар в славянской языковой форме. И это славянское православие было перенесено в Киев и Новгород, а затем распространено на всю Русь. Свершилась уникальная диалектика: славянское христианство ослабило варягосскую верхушку и слило ее с северо-восточным массивом славянства в одно национальное целое. Хотя формально принятие христианства исчисляется у нас 988 г., ему предшествовал длительный процесс — приблизительно в течение столетия, когда славянская Русь христианизировалась постепенно, значительно опережая нормандский Север, такие его страны, как Данию, Швецию, Норвегию, которые в это время еще пребывали в темноте язычества.

Потомок Рюрика Владимир святой, закрепивший христианство формальным актом принятия, — уже совершенно славянский князь, и его дружина, каким бы ни было ее происхождение, была славянской дружиной. Как уже говорилось, принятие православия сыграло огромную историческую роль в обеспечении национального единства восточных славян, которое помогло преодолеть противостояние славянам кочевых степных

языческих врагов на юге и затем обеспечить расширение на Восток и Запад.

Д.Мережковский считал, что история русской церкви есть только сокращенное повторение истории церкви византийской. Мы категорически не согласны с этим. Православная церковь на Руси имеет свои историю и специфику. Последняя выражается хотя бы в том, что если Византия прекратила существование под набегами турок в XV ст., то в XV ст. Русь постепенно освобождалась из татаро-монгольской неволи. В этой борьбе церковь играла активную роль. Конечно, есть аналогия в том, что каноническая свобода церкви и Византии на Руси была очень сильно ослаблена ее подчинением государству. Однако это тесное сотрудничество с государством укрепило гражданские позиции самой церкви, обострило у священнослужителей чувство общности своей истории с историей народа, обеспечило единство церкви и восточнославянских наций и в години испытаний, и в години побед, а также помогло православию избежать искушения борьбы за светскую власть, в ходе которой католицизм пролил столько невинной крови и совершил множество исторических грехов.

Конечно, православная церковь на Руси тоже уделила должное каноническим спорам с государством. Мы помним деяния Никона, последовавшие за этим раскол и появление сект. Никон проиграл схватку с государем за власть, но церковь обогатилась мудростью в спорах с государством. Усилилась ее доктрина, стали более аргументированными многие ее положения.

После свершения Октябрьской революции в 1917 г. воинствующее безбожие нанесло огромный урон церкви и вере. Даже и сейчас до конца не изучены психологические причины ненависти, с которой большевики набросились на церковь. Думается, одна из причин в том, что, пообещав рай на земле и стремясь к вселенскому господству посредством мировой революции, большевики видели в церкви не только противницу, но и конкурента, ибо церковь давала более сложную картину царства Божьего (которое не от мира сего), а также программу личного самоусовершенствования в вере, а не в разрушении устоев. Многое предстоит еще и осмыслить, и понять.

Однако по мере угасания революционного радикализма новой власти церковь восстанавливала позиции. Если патриарх Тихон, предавший большевиков анафеме, был заключен в тюрьму, то

патриарх Алексей I был награжден атеистическим государством четырьмя орденами Трудового Красного Знамени.

Величайшее испытание для народа, Великую Отечественную войну, церковь встретила в единстве с государством и страждущим и страдающим народом. Тысячи священнослужителей погибли на полях брани, были замучены в фашистских лагерях смерти. Миллионы верующих, взяв в руки оружие, защищали Родину. Победа СССР в страшной войне и превращение его в сверхдержаву меняли статус русской православной церкви среди православных государств. Как в свое время константинопольский престол являлся первым среди престолов ввиду его местоположения во Втором Риме — Константинополе, откуда правил вселенский папа — византийский император, так после великой победы русского оружия Московский патриарх мог справедливо претендовать на православное первенство в мире.

Еще во время войны, 31 января 1945 г., в московском храме в Сокольниках открылся Поместный Собор, в работе которого участвовали 47 епископов не только из Советского Союза, но и из других стран мира. Главными задачами Собора стали утверждение Положения об управлении русской православной церкви, избрание патриарха. На Поместном Соборе новым патриархом был избран митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей. На его интронизации 4 февраля 1945 г. в Елоховском соборе Москвы митрополит Киевский Иоанн сказал: “Быть кормчим русской Церкви в переживаемое нами исключительное время в период великих мировых событий — это подвиг исключительного значения”.

Надо отметить, что церковь умело воспользовалась этими новыми условиями. В послевоенные годы открываются тысячи приходов во всех епархиях России, Беларуси, Украины. На пасху 1946 г. вновь возобновились богослужения в Троице-Сергиевой лавре. Начали работу Московская, Ленинградская духовные академии, а также восемь семинарий, где ежегодно рукополагались сотни священников. Интересно отметить, что в партийных и государственных документах в конце 40-х гг. и даже в отчетном докладе ЦК ВКП (б) на XIX съезде партии (октябрь 1952 г.) вопросы атеистической работы и борьбы с религией вообще не затрагивались.

Есть много исторических указаний на то, что и И.В.Сталин по достоинству оценил патриотическую позицию православной

церкви и даже обращал внимание руководства на необходимость усиления борьбы с религиозными конфессиями, занявшими резко антирусскую, антиправославную позицию. Речь шла прежде всего об униатстве, активно сотрудничавшем с фашистами, и других радикальных религиях. В 1946—1949 гг. были приняты исторические акты, упразднившие униатскую церковь, насильно навязанную русскому народу оккупационными властями католической ориентации.

К сожалению, на всем протяжении послевоенной истории вопросы отношения церкви и власти были отнюдь не безоблачными. В 60-е гг. по инициативе Н.С.Хрущева были развязаны активные кампании богоборчества, которые разрешались во многих местах разгромом церквей, преследованием священнослужителей. Однако церковь научилась преодолевать трудности и все более активно внедрялась в общественную жизнь. Особо хочется отметить миротворческую миссию церкви и ее участие во всех кампаниях борьбы за мир в условиях холодной войны, ее просветительскую деятельность, культурное подвижничество многих священнослужителей.

В демократическом обществе церковь отделена от государства. Это коснулось и статуса церкви в нашем обществе. Поэтому вопросы религии, убеждения и веры — частное дело каждого человека. Можно сказать, что церковь переживает не лучшие времена ввиду того, что в условиях научно-технических революций вера в Бога была поколеблена. Сегодня число верующих и в Западной, и в Восточной Европе примерно одинаково — около 5 %. Однако речь здесь идет о верующих, активно исполняющих церковный обряд. Число людей, которые, не являясь активными верующими, исполнителями религиозных традиций, но чувствующих потребность в Боге, религии, любви, духовном освобождении, намного больше.

Знаменитый английский философ Фрэнсис Бэкон писал в свое время: "...немножко ума, немножко философии удаляют от Бога, побольше ума, побольше философии опять приводят к нему". Сегодня мы можем констатировать, что, несмотря на выдающиеся успехи науки, она дает нам не больше информации о смысле жизни, духовном содержании личной жизни, чем это было в условиях распада Римской империи, начала новой эры и появления первохристианства. Формулу поэта Колыдова "мир есть тайна Бога, Бог есть тайна мира", конечно, нельзя доказать с помощью научной аргументации. Но и опровергнуть тоже нельзя.

Вера не сливается с разумом, но две интерпретации мира, взаимодействуя и противоборствуя, более благотворны для общества, чем догматическое упорство каждой из них в отдельности.

Многие могут сегодня спорить о том, насколько исторична личность Иисуса, но мало кто из образованных людей нашего времени сможет отрицать огромный переворот, который произвело в мировой истории христианство и который позволил наиболее развитой части человечества того времени перейти от старых религиозных форм, известных под неопределенным именем идолопоклонства, к новой форме религии, основанной на единстве Божества Троицы. Распространение христианства в Европе заняло первую тысячу лет. Движение началось с царствования римских императоров Августа и Тиберия. Сегодня оно охватило весь мир, считая Европу своей колыбелью. Иисус Христос как страстный проповедник единобожия, спасения в вере в Бога, вселенской любви, личного совершенства и воскресения был распят и умер на кресте. Но, если бы не совершилась тайна его воскресения к жизни вечной, насколько морально беднее был бы мир без его учения. Поэтому мы вправе говорить о том, что истина Христова воскресения — истина не только веры, но также и истина разума. В. Соловьев говорил, что если бы не воскрес Христос, если бы Каласта оказался прав, а Пилат — мудр, то мир оказался бы бессмысленным царством зла, обмана и смерти. Конечно, в мире есть то, другое и третье. Но есть и прощение, справедливость и любовь. Их не устает исповедовать христианство.

В современном мире, наполненном скептицизмом, неверием, ужасами насилия и войн, христианским церквам (как, кстати, и другим) нелегко. Но именно поэтому они обязаны продолжать миссию мира, человекобожия, проповедовать возможность личного духовного совершенствования, участия в вечности через ощущение в себе частицы мирового духа и обретения, благодаря этому, силы, которая дает возможность спасения как личного, так и общественного. Любовь к Богу, человеку, таинство исповеди, покаяния, чистота моральных заповедей христианства послужат людям (будем надеяться) еще не одно тысячелетие для ориентации на добрые дела, возвышенные духовные порывы и подвиги во имя справедливости, добра и красоты.